В. Г. Белинский

Очерки бородинского сражения (Воспоминания о 1812...

Виссарион Белинский

Очерки бородинского сражения (Воспоминания о 1812 годе)

«Public Domain»

1839

Белинский В. Г.

Очерки бородинского сражения (Воспоминания о 1812 годе) / В. Г. Белинский — «Public Domain», 1839

ISBN 978-5-457-13586-4

Это первая статья Белинского в отделе критики «Отечественных записок». Статья об «Очерках Бородинского сражения» Ф. Глинки (равно как и о «Бородинской годовщине» Жуковского) вызвала недовольство в передовых общественных и литературных кругах. Впоследствии Белинский указывал, что его статья об «Очерках…» Глинки «верна в своих основаниях» (признание закономерности исторического развития), но ошибочна по выводам, поскольку в ней «должно было бы развить и идею отрицания, как исторического права», то есть показать, что такой общественный порядок, как русское самодержавие, таит в себе элементы своего отрицания, что он – временный, преходящий.

ISBN 978-5-457-13586-4

© Белинский В. Г., 1839
© Public Domain, 1839

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 12
Комментарии

Виссарион Григорьевич Белинский Очерки бородинского сражения (Воспоминания о 1812 годе)

Сочинение Ф. Глинки, автора «Писем русского офицера». Москва. 1839

Народ не есть отвлеченное понятие: народ есть живая особность, духовная организация, которой разнообразные жизненные отправления служат к единой цели. Народ есть *личность,* как отдельный человек. Каким образом *люди* стали *народами,* частные индивидуальности слились в общие массы и, так сказать, исчезли в них?.. Вот одни из тех вопросов, решение которых не подлежит ни историческим разысканиям, ни исследованиям рассудка, опирающимся на опыте. Спросите человека, как он явился на свет: может ли он вам ответить на этот вопрос? Он существовал еще во чреве своей матери, но не зная о своем существовании; он существовал еще бессмысленным и бессловесным ребенком, но не зная о своем существовании; он даже не помнил своего младенчества, когда уже язык его лепетал несвязные речи, а юная душа принимала уже разнообразные впечатления бытия; он едва-едва помнит себя даже выходящим из младенчества, уже развивающимся своими духовными способностями; его сознательное существование начинается с черты, разграничивающей отрочество и юношество. Вот почему каждый человек всегда начинает свою историю словами: «С тех пор, как я начал себя помнить», и вот почему самая эпоха его сознания еще так неопределенна, представляя собою какой-то утренний полусумрак, и только в периоде юношества делается ясным и светлым утром. Так точно и народ не в состоянии отвечать самому себе на вопрос: откуда он произошел, как он явился? Нам скажут, что людей свели взаимные нужды, заставившие их взаимными уступками, для обоюдной выгоды, ограничить свою свободу и принять свою естественную форму. Прекрасно, но ведь и дитя не бежит от своих родителей, от своего семейства, бессознательно чувствуя свою нужду в них, хотя и отвращаясь лозы и власти их, а между тем оно все-таки не помнит, как это сделалось, что оно стало членом своего семейства, а чрез него и членом своего государства. Другие нам скажут – и это будет еще справедливее, – что исходным пунктом соединения людей в общество было бессознательное влечение человека к человеку, врожденное ему от природы, а взаимная нужда друг в друге только укрепила и довершила это соединение. Прекрасно, но ведь и младенец, прежде нежели он почувствовал нужду в своей матери или няньке, влекся к ним бессознательным чувством, а между тем, ставши полным человеком, он все-таки не помнит, как это сделалось, и даже не помнит черты, разделяющей конец его бессознательности с началом его сознательности. Очевидно, что народ родится бессознательно, проходит все возрасты человека, то есть сперва бывает зародышем или *возможностию,* из которой, как растение из семени, организируется младенец, лелеемый матерью-природою, из младенца делается отроком и наконец доживает до того момента своего существования, с которого начинает говорить: «С тех пор, как я начал себя помнить». Вот почему начало, или, лучше сказать, *зачатие* всех народов решительно ускользает от взоров истории, и все усилия рассудочных мыслителей схватить его остаются тщетными; вот почему в истории каждого народа есть период баснословный и полубаснословный, или доисторический и полуисторический, который так незаметно сливается с историческим, что невозможно уловить черты, разделяющей их. Много было теорий о происхождении политических обществ, особенно много их было у французов, в их «философском» XVIII веке. Эти теории принесли великую пользу, доказав бесполезность и нелепость стремления объяснить опытом не подлежащее опыту, сделать ясным рассудку недоступное для рассудка. Таким же точно образом сили-

лись объяснить происхождение языка. Сознав, что слово основано на непреложных законах разума, заключили из этого, что явление слова было результатом сознания его законов, то есть что оно было сочинено, придумано, изобретено, как, например, паровые машины сочинены, придуманы и изобретены вследствие сознания силы паров. Нелепая мысль была распространена до того, что стали хлопотать о сочинении или учреждении универсального языка, в котором были бы все свойства, составляющие особность каждого языка отдельно, и который, поэтому, заменил бы все языки и был бы общим ученым языком. Разумеется, это предприятие кончилось тем же, чем кончилось строение вавилонского столба: не осталось даже и обломков гордого здания, имевшего целию соединить небо с землею. Кроме того, силились найти первобытный человеческий язык и пустили в ход сказку о Псамметихе, прибегнувшем к странному способу для разрешения этого неразрешимого вопроса и допытавшегося через него, что первобытный язык был – *фригийский*[1]. Потом основали образование языка из междометий и почитали себя в состоянии ясно, определительно показать весь исторический ход развития языка, как собрания *условных знаков* для выражения понятий. Остановите ваше внимание на эпитете «условный», и вы поймете причину этого заблуждения! Всякое условие бывает сознательно и есть заранее предположенное намерение, предположенная цель, наконец, договор. Человек почувствовал необходимость сообщить свои мысли подобным себе: вот и давай условливаться, лошадь называть лошадью, собаку собакою и так далее. Прекрасно; но разве в целом обществе людей только одному предоставлено было право предлагать условия, а всем прочим только принимать их на кланяться, приговаривая: «Так-с, батюшка, так – слушаем-с: это лошадь, а это собака»?.. И как один человек мог согласить многих? а если многие вздумали соглашать многих, то как же они успели согласиться? Кроме того, как бы это ни вышло, через одного или многих, но если эти «условия» не имели причины в самих себе, то есть не основывались на непреложной внутренней необходимости, то они были случайны, а следовательно, и бессмысленны; но мы знаем, что каждый язык, отдельно взятый, основан на непреложных законах и что все языки, несмотря на их различие, основаны на одних и тех же началах, почему человек одного народа и может выучиваться языку другого народа… Нет, язык был дан человеку как откровение, а не найден им как изобретение. Если человек явился в мире существом разумным, то необходимо и словесным, потому что слово есть разум в явлении[2]. Человек владел словом еще прежде, нежели узнал, что он владеет словом; точно так же дитя говорит правильно, грамматически, еще и не зная грамматики, следовательно, еще не зная, что оно говорит правильно, грамматически. Слово человеческое есть одно из тех явлений действительности, которые в самих себе скрывают причину своего явления, которые органически возникают и развиваются из себя и вне себя не имеют причины и которых рождение есть, поэтому, тайна. Действительность, как явившийся, отелесившийся разум, всегда предшествует сознанию, потому что прежде нежели сознавать, надо иметь предмет для сознания. Вот почему естествознание, или учение о природе, явилось гораздо после самой природы, грамматика после языка, история после пережитой народами жизни. Все что ни есть – есть или являющийся разум (разум в явлении), или сознающий разум (разум в сознании). Дело сознающего разума – сознавать действительность, а не творить ее, и потому разум пишет грамматику, а не сочиняет языка, пишет трактат об организации общества, а не создает общества. Как невозможно сочинить языка, так невозможно и устроить гражданского общества, которое устроится само собою, без сознания и ведома людей, из которых оно слагается. Всякое явление действительности, из самого себя возникшее, рождается и развивается органически; всякое изобретение делается механически. Первое есть вдохновенный порыв духа осуществиться в действительности; второе есть расчет рассудка, основанный на соображении вероятностен. Материалисты XVIII века хотели объяснить происхождение мира механическим сцеплением атомов, механическим процессом взаимнодействия тяжести и выходящих из ее математических законов стремле-

ний; но это *объяснение* только *затемнило* сущность дела, потому что, отличаясь внешнею ясностию, отличалось внутренним мраком. И как же тут быть свету, а не мраку, когда они в мироздании видели только какие-то блоки, веревки, гвозди и клей, а не горячую кровь и полные электричества нервы, – мертвый скелет, а не живой организм, как выражение движущегося в нем духа жизни?[3] Автомат делается механически, и потому он труп без жизни; организм человека развивается динамически, и потому в нем веет, движется дух жизни. В зародыше, из которого рождается человек, заключен дух жизни, самодеятельно, из самого себя развивающийся в определенные формы во чреве матери, как развивается динамически, то есть собственною самодеятельностию, зерно, положенное в землю, и становится деревом. То и другое требуют для своего развития внешнего вещества – питания, но это внешнее перерабатывают и претворяют в свою собственность, в свои соки, кровь и плоть, и это внешнее опять развивают из себя: так точно происходит и народ. Его духовная организация параллельна телесной организации младенца и дерева, примеры которых мы нарочно привели. Сущность жизни в зерне жизни, а это зерно – божественная идея, из сферы возможности переходящая в сферу действительности, из *небытия* осуществляющаяся в *бытие,* по глаголу священного писания: «Бог создал мир сей из *ничего»*…[4]

Начиная от времен, о которых мы знаем только из истории, до нашего времени не было и нет ни одного народа, составившегося и образовавшегося по взаимному сознательному условию известного числа людей, изъявивших желание войти в его состав, или по мысли одного какого-нибудь хотя бы и гениального человека[5]. Нам, может быть, укажут на Северо-Американские Штаты – на этот народ без имени и названия, на этого сына без отца, потомка без предков, на это политическое общество, как будто искусственно явившееся, механически соединенное из разнородных начал? Мы ответим, что все это только кажется таким для поверхностного взгляда, но совсем не таково на самом деле. Во-первых, Северо-Американские Штаты явились по условию только *государством,* а не *народом;* между же государством и народом большая разница: народ может не быть государством, но государство не может не быть народом: народ может сделаться государством, но государство не может сделаться народом, потому что оно было народом прежде еще, чем сделалось государством. Большая и главная часть народонаселения Северо-Американских Штатов – природные англичане; господствующий язык – английский; направление в религии, политике и гражданском устройстве явно отзывается британизмом. Следовательно, Северо-Американские Штаты не без родни, не без предков, не без отца и матери. Сначала они были английскими колониями, следственно, имели уже готовыми все материалы для государственной жизни: образованный язык с богатою литературою, религию, в высшей степени развитую гражданственность и т. д. Так как из колонистов, в течение времени, образовалось из англичан как бы особое племя, вследствие влияния климата и страны на дух, – племя, отличавшееся от жителей Великобритании, как отличаются романы гениального Купера от романов гениального Скотта, хотя и писанных на одном языке, – то некоторым образом и образовался как бы особый народ, которому уже не мудрено было стать государством. Да и самый процесс перехода народа в государство совершился не механически, не условно, а зарождался, зрел и обнаружился исторически, так что причины его далеко скрываются во времени, и историю Северо-Американских Штатов должно начинать с эпохи религиозно-политической реформы в самой Англии.

Исходный пункт жизни каждого народа скрывается в географических, этнографических, геологических и климатических условиях. Когда человек выходит из своего естественного состояния, он начинает борьбу с природою, покоряет ее себе и даже изменяет могуществом своей разумности; но до тех пор он – ее раб. Мощно действуют на него ее впечатления, и его темперамент имеет кровное сродство с материком, на котором он родился, с небом, под которым он родился; а его характер есть результат его темперамента. Закон родства крови

и плоти есть закон самого духа!.. Сначала всякое человеческое общество существует как племя, потом – как народ; немного племен известно истории: состояние человеческого общества как племени есть первый и самый естественный момент его существования, это как будто разветвившиеся отпрыски единого ствола, как будто размножившиеся члены единого семейства, давно потерявшего память о своем прародителе, уже не только родные, но двоюродные, троюродные и так далее, составляющие отдельные круги семейства. Племена не имеют не только законов, даже обычаев, освященных временем, но живут как бы руководимые какшм-то инстинктом. Им нужна пища – и у них есть стрела и лук или сеть для рыб: вот все их потребности и все точки соприкосновения между ими. Но вот племя сталкивается с другим племенем, и, как всякой естественной индивидуальности другая индивидуальность враждебна, между ними начинается кровавая борьба; каждое племя плотнее соединяется, родственнее сжимается, яснее сознает свою индивидуальную особность; рождаются понятия о славе и бесславии, о геройстве и малодушии, о ненависти ко враждебному племени, как священном долге; являются военачальники и некоторая подчиненность. Но этим все и оканчивается, потому что только столкновение с народом или государством может быть причиною развития племени в народ и государство, или чрез подпадение под власть его и исчезновение в нем, или чрез перенятие его идей. И потому у племен власть военачальника бледна, бесцветна и неопределенна, не утверждена и не освящена никакою идеею, не имеет даже силы предания (traditio), не только закона; жречество основано на мистическом страхе непонятного их уму и потому пугающего его, и разве еще на некоторых врожденных человеку слабых и неопределенных идеях о божестве. В таком виде представляются нам все дикие племена Европы, Азии и Африки и, наконец, дикие племена целых частей света – Америки и Океании. Это какие-то инфузории политических обществ, бессильные принять определенную и единственно разумную форму человеческого общества – форму государственную. Что бы ни было причиною этого: низшая в сравнении с нашею организациею изолированность от образованного мира, недавность их происхождения и близость к природе или какие-нибудь чисто внешние, случайные причины, или все это вместе взятое; но только можно с вероятностию заключать, что все из известных нам государств, бывших и ныне находящихся, начали свое существование с состояния *племени,* состояния, которое, как бессознательное, не могли помнить, а следовательно, и забыть. В Америке испанцы, кроме множества племен, застали два народа – мексиканский и перуанский, из примера которых можно видеть, как общество переходит во второй свой момент – из *племени* делается *народом.* У народа уже начинается история, которой нет у племени, хотя эта история еще только предание, из уст в уста, от поколения к поколению переходящее. У народа уже есть зародыши всех форм государственной жизни: утвержденная верховная власть, иерархия чинов, разделение на сословия и пр.: но только все это еще как предание, как обычай, освященный временем, как бессознательно существующий факт, а не как что-нибудь выговоренное, как закон, и утвержденное законною формою. *Народ* тогда только делается *государством,* когда законность, освященная временем и от времени получившая свою силу, приобретает формальность, народная жизнь получает определенные, выговоренные или на письме утвержденные формы, и эти формы переходят в закон. Государство есть высший момент общественной жизни и ее высшая и единая разумная форма. Только ставши членом государства, человек перестает быть рабом природы, но делается ее повелителем, и только, как член государства, является он существом истинно разумным. Племена близки к животным, и потому минута, когда узнает о их существовании государство, есть минута их истребления, порабощения и перерождения в новом и чуждом им духе, в новых и чуждых им формах.

Всякая разумность, чтоб сделаться разумностию, должна явиться сперва как естественность, как непосредственное откровение. Всякая разумность священна, то есть имеет свою мистическую, таинственную сторону, и причина этой таинственности скрывается опять в

близости к источнику всего сущего, к божественной идее, первоначально осуществляющейся во всеобщей родовой материи, в сущном (субстанциальном) начале. Какая глубина мысли и какая поэзия в русском выражении «мать сыра земля»! В самом деле, она мать нам, наша родная мать, ибо она есть первоначальная, первосущная форма духа, хранительница всех сил, всей сущности (субстанции) творящей природы! Из ее материнского лона вышел человек, и в ее материнских недрах покоится он на вечность! Точно таково же и родство людей между собою: все люди родня друг другу по духу; но это духовное родство сперва проявляется в них как родство крови и плоти, и духовное родство потому и свято, что выходит из кровно-плотского. Точно так же, потому же самому, и государство есть разумное, а потому и священное явление, что его начало скрывается в естественно-семейственном родстве людей, перешедшем потом в родство племенное, а наконец в народное. Как в отдельных семействах мы замечаем часто сходство черт лица, голоса, манеры говорить и действовать, словом, сходство характера, духа, даже при несходстве направлений, – так и всякий народ отличается единством языка, а следовательно, и характера мысли, взгляда на вещи и способа понимать их (потому что язык есть осуществившееся, явившееся понятие), единством религии, образа правления, родовым сходством в образе внешней жизни, наконец, семейственным сходством физиономии составляющих его индивидуумов, так что трудно не узнать по одному лицу англичанина, француза, немца, итальянца, татарина и т. д. Это сходство, это единство, это родство священны, потому что основание их плоть и кровь, как первосущные (субстанциальные) формы духа. И вот почему космополит есть какое-то ложное, двусмысленное, странное и непонятное явление, какой-то бледный, туманный призрак, а не яркая и живая действительность; вот почему, например, русский, случайно проведший в Париже свое младенчество и в чуждой его родной сущности (субстанции) стране принявший первые живые впечатления бытия, представляет из себя какого-то амфибия, уродливого и отвратительного, как все амфибии; вот почему человек, для которого ubi bene ibi patria [1], есть существо безнравственное и бездушное, недостойное называться священным именем человека;[6] вот почему, наконец, изменник своему отечеству, предатель своей родины, есть злодей, при виде которого содрогается человеческое сердце, от которого с омерзением отвращается человечество и который, если только он не идиот (не в реторическом, а в физиологическом смысле этого слова) скитается по земле, подобно Каину, с печатью проклятия на челе и ненавистию к собственному существованию!.. Если бы общественные узы были не плоть и кровь, а только взаимный договор для общих выгод, тогда в идее государства не было бы ничего священного, и предательство отечества было бы проступком против чести и морали (Moralitat), а не преступлением против нравственности (Sittlichkeit); променять свое отечество на другое было бы не несчастием, а простым расчетом перемены хорошего на лучшее. Как не можем мы представить себе человека, вдруг и бог весть откуда явившегося полным, возмужалым и разумным человеком, так не можем себе представить и общества, вдруг возникшего по условному договору известного числа индивидуумов. Как священно существо человека, потому что его рождение и развитие есть тайна для него самого, так священно и существование общества, потому что его начало и развитие есть тайна. Чтобы полнее и яснее выразить нашу мысль – укажем на самое важнейшее и самое священнейшее явление общественной жизни.

Спросите какого-нибудь французского говоруна, какого-нибудь либерального аббатика-француза:[7] откуда и как произошла *царская власть?* – и он непременно скажет вам, что это сделалось следующим простым образом: «Когда люди лишились своей естественной невинности, стали злы и развратны, то увидели себя в горькой необходимости выбрать из среды себя человека и вручить ему неограниченную власть над собою». Для поверхностного

[1] где хорошо, там и родина *(лат.). – Ред.*

взгляда *абстрактных* голов, в глазах которых идеи и явления не заключают в самих себе своей причины и необходимости, но вырастают как грибы после дождя, но только без почвы и корней, а на воздухе, – для таких голов нет ничего проще и удовлетворительнее такого объяснения; но для людей, духовному ясновидению которых открыта глубина и внутренняя сущность вещей, не может быть ничего нелепее, смешнее и бессмысленнее. Все, что не имеет причины в самом себе и является из какого-то чуждого ему *вне,* а не *изнутри* самого себя, – все такое лишено разумности, а следовательно, и характера священности. Коренные государственные постановления священны потому, что они суть основные идеи не какого-нибудь известного народа, но каждого народа, и еще потому, что они, перешедши в явления, ставши фактом, диалектически развивались в историческом движении, так что самые их изменения суть моменты их же собственной идеи. И потому коренные постановления не бывают законом, изреченным от человека, но являются, так сказать, *довременно* и только выговариваются и сознаются человеком[8]. Равным образом, коренные постановления государства никогда не изменяются в смысле замены одних другими, но изменяются в смысле расширения или ограничения, сообразно с временными требованиями исторической жизни народа. Изменение это всегда чувствуется в государственном теле как сотрясение и часто сопровождается судорожными потрясениями целого его состава, ибо мысль, чтобы осуществиться, должна перейти в дело, в факт, в явление; а всякое явление совершается как бы в плоти и крови. Так, например, реформа, произведенная в жизни России Петром Великим, совершилась в борьбе и потрясениях всего государственного организма, но потому-то она так крепко и утвердилась перешла в закон, и чем больше пролетит столетий от этого события, тем большую законность и священность будет приобретать дело Петра. Мы хотим этим сказать, что сила векового прения и священная таинственность всего, теряющегося в довременности, имеют глубокое значение, и только одни освящают явления, как свидетельство, что эти явления – непосредственное откровение, а не человеческие выдумки. Человеческие уставы могут быть полезны, а не священны: только непосредственно богом явленное священно. Нет власти, которая бы не была от бога, но всякая власть от бога – говорит священное писание[9], и эти слова заключают в себе глубокую мысль и непреложную истину. Азия есть колыбель человеческого рода – его отечество; в ней начало всех верований, всех человеческих обществ; в ней начало всего довременного, всего непосредственно явившегося. И священное писание, и история, и даже сама современность указывают нам на Азию, как на страну патриархальности. Китай – эта едва ли не первобытнейшая политическая форма общества – и по сю пору есть государство по преимуществу патриархальное. Все мусульманские государства носят в своем основном построении печать древней патриархальности. Аравия и теперь еще представляет собою первобытный тип племен, управляемых патриархами. Священное писание говорит нам о первых патриархах, как царях людей, живших в законе естественном. Что такое был Иаков, переселившийся в Египет, как не отец семейства, до того размножившегося, что маститый старец сделался и отцом и прапрадедом вместе, так что для своих праправнуков, по закону коленного отдаления, казался столько же правителем, царем, сколько родственником и родоначальником? Отсюда ясно, что мистическая и священная идея отца-родоначальника была живым источником истекшей из нее идеи царя[10]. Только бессловесные животные живут без властей; но человек даже в своем естественном состоянии, даже еще не развратившись, не сделавшись злым, признавал власть и жил в разумных формах повелительства и подчиненности, задолго до того, как сознал их значение или их нужду; чувство, вместе с ним родившееся, сказало ему, что отец выше сына и что сын должен повиноваться, следовательно, признавать власть отца. Вот почему во всех племенах родоначальничество есть первый момент общественного сознания, а право первородства – самое священное право. Законы человечества везде одни и те же, потому что они законы разума, а разум один, как один бог: американские дикари, по законам вежливости,

всякого старшего себя называют «своим отцом», а равного себе по летам «своим братом». Нельзя вывести из опыта, каким образом из отеческой власти явилась царская власть, *отец* стал *царем;* но в умозрении это очень понятно. История не может показать картины развития идеи отца в идею царя, история не помнит этого, потому что это явление довременное. Но тем яснее, что кто внушил человеку чувство мистического, религиозного уважения к виновнику дней своих, освятил сан и звание отца, тот освятил сан и звание царя, превознес его главу превыше всех смертных и земную участь его поставил вне зависимости от случайной воли людской, сделав личность его священною и неприкосновенною. Человечество не помнит, когда преклонило оно колени перед царскою властию, потому что эта власть была не его установлением, но установлением божиим, не в известное и определенное время совершившимся, но от века в божественной мысли пребывшим. Поэтому царь есть наместник божий, а царская власть, замыкающая в себе все частные воли, есть прообразование единодержавия вечного и довременного разума. Достоинство монарха есть священство, и в таинстве помазания совершается непосредственная передача власти царю от бога, и «сердце царево в руце божией», и, как говорит Шекспиров Ричард II:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.
Сказка о Псамметихе – легенда, рассказанная в «Истории» Геродота (ч. I, кн. 2 «Евтерпа», § 2). Египетский фараон Псамметих I, желая узнать, какой народ и какой язык являются древнейшими, приказал двух новорожденных младенцев поместить в хижину, изолировав от людей. Их кормил и за ними молча наблюдал в течение двух лет козий пастух. Однажды, когда пастух вошел в хижину, мальчики бросились к нему и закричали: «бекос». Оказалось, что «бекос» – это по-фригийски «хлеб».

2.
Справедливо критикуя идеалистические теории происхождения языка, Белинский приблизился к научному решению проблемы: он настаивает на тесной связи языка и мышления, как формы и содержания, на одновременности возникновения мышления и звукового языка.

3.
Белинский имеет в виду теории механического материализма, в которых не была выявлена специфика исторических процессов и на явления общественной жизни переносились законы природы.

4.
См. Деяния святых Апостолов, 17, 24.

5.
Белинский возражает здесь теории «общественного договора» Руссо.

6.
Намек на Булгарина, воевавшего во время Отечественной войны 1812 г. на стороне французов. Выражение «ubi bene ibi patria» по отношению к Булгарину было употреблено Пушкиным в памфлетах «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов» и «О мизинце г. Булгарина и о прочем» (1831).

7.
Белинский, вероятно, намекает на французского социалиста-утописта XVIII в. аббата Габриеля Мабли, который, будучи сторонником теории «общественного договора», доказывал, что королевская власть была создана для обуздания страстей, дурных наклонностей членов общества («О законодательстве, или Начала законов», кн. I, ч. I).

8.
Здесь Белинский полемизирует с рационализмом французских материалистов XVIII в. и их тезисом «мнения правят миром». Справедливо связав государственное право с исторической жизнью народа, Белинский, однако, заблуждался, признавая священность государственных установлений и бесцельность, неразумность выступлений против них.

9.
Послание к Римлянам, 13, 1.

10.

Ссылаясь на Священное писание, Белинский стремится доказать не только историческую обусловленность самодержавия, но также священность самой идеи самодержавной, монархической власти. Для этого он и излагает теорию происхождения идеи царской власти от идеи отца-военачальника.